

В.В. Розанов

Цель человеческой жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

B11 **В.В. Розанов**
Цель человеческой жизни / В.В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2022. –
40 с.

ISBN 978-5-4241-3076-2

Кажется, нет в русской культуре личности более парадоксальной, чем Василий Васильевич Розанов (1856—1919). За свою жизнь он написал более 30 книг, и только сейчас они начинают возвращаться к нам. Его взгляды на историю, религию, мораль, литературу, культуру настолько нетрадиционны, что долгое время имя его было в нашей стране под запретом. Отсутствие какого бы то ни было лукавства, предельная откровенность делают Розанова необычайно современным.

ISBN 978-5-4241-3076-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© В.В. Розанов, 2022

Василий Розанов
Цель человеческой жизни.

I. ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕИ СЧАСТЬЯ КАК ИДЕИ ВЕРХОВНОГО НАЧАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

I. Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первою я разумею жизнь, которая управляема *причинами*; под второю – жизнь, которая управляема *целью*.

Жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной; это потому, что хотя сознание здесь и существует в деятельности человека, но лишь как пособие: не оно определяет, куда эта деятельность может быть направлена, и так же – какова она должна быть по своим качествам. Причинам, внешним для человека и независимым от него, принадлежит определение всего этого. В границах, уже установленных этими причинами, сознание выполняет свою служебную роль: указывает способы той или иной деятельности, ее легчайшие пути, возможное и невозможное для выполнения из того, к чему нудят человека причины.

Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цепь человеческих поступков; и так же – устроение их всех по плану, наиболее отвечающему достигнутому. Обстоятельства, внешние для человека, получают здесь значение второстепенное и частью служебное: они или противодействуют приближению человека к желаемому, и тогда устраниются им, обходятся, как-нибудь ослабляются; наконец, даже подчиняя его себе, подчиняют временно, – он влечется ими, не теряя сознания, что должен бы влечься в противоположную сторону, и не теряя надежды ранее или позже освободиться от их власти. Напротив, если они способствуют приближению человека к желаемому, они усиливаются им, сохраняются, располагаются лучше, нежели как лежали естественно. И в том, и в другом случае сознание является отделенным от внешних причин; оно сится согласовать их с собою, но не пассивно соглашается с ними.

II. Из самого понятия о сознательной жизни прямо вытекает, что вопрос о цели человеческого существования есть первый, разрешение которого необходимо для сознательности этого существования.

Само предложение этого вопроса может быть сделано в двух формах: можно задаться мыслью, что должно быть для человека целью его деятельности? Ответ, каков бы он ни был, на вопрос, так поставленный, будет указывать на *искусственную цель* человеческого существования, потому что в меру своего искусства человек может придумать наилучшее, к чему он мог бы направить свою деятельность, и как таковое – счастье его для себя должно быть. Таким образом, по характеру своему, процесс мысли, ищущей этого вопроса, будет процессом изобретения; какими бы ни было путями, на что бы ни опиралась, она будет построить идею цели как нечто новое для человека, как прежде не бывшее и им создаваемое.

Или, напротив, можно задаться вопросом: что *составляет* цель человеческого существования? Не входя в рассмотрение, возможен ли ответ на так поставленный вопрос, следует заметить, что, если бы он был дан, он указывал бы *цель*

естественную, т. е. такую, которая не построилась бы мыслью, но, будучи дана в самой природе человека, только бы находилась ею. Процесс этого нахождения был бы существенно противоположен первому: он открывал бы для сознания ранее скрытое от него, но существовавшее в самом себе постоянно.

III. В течение долгих веков исторической жизни человек не мог не задумываться над этим вопросом, так или иначе выраженным. И действительно, бесчисленное множество существует ответов на него, более или менее общих, более или менее различных, смотря по эпохам, когда они давались, по племени, в среде которого находились. Но из этих ответов два разряда мы тотчас же должны оставить в стороне: ответы частичные и ответы, принудительно наложенные на человеческое сознание.

Первые (например, о цели государства или о цели искусства) не обнимают деятельности человека в ее целом и потому, вводя сознательность в одну часть исторического творчества, не вводят ее в соотношение разных частей. Отсюда руководящее значение подобных целей ограничивается внутренними пределами той сферы, где они действуют, — и сознательность, ими порождаемая, во всем подобна той, которую проявляет человек, когда он вовсе не знает целей своего существования. Потому что — в этом последнем случае, управляемый причинами, он, однако, понимает их, вводит свет своего сознания в соотношение с собою, пытается избегать одних и попасть под действие других, т. е. остается свободен и избирает — в частях, но не в целом.

Вторые цели, принудительно наложенные на человека (например, религиозным учением), потому не придают жизни сознательности, что не было участия сознания в их выборе: они были *данное, открывшееся* человеку, чему он должен покорно следовать. Но он никогда не имел возможности заглянуть по ту сторону их, откуда они давались: к нему всегда обращена была только одна их сторона, человеческая, но скрыта была сторона божественная. Там эти цели были, без сомнения, свободно избраны и, следовательно, сознательны. Но для человеческой природы они и принудительны, и темны.

Однако между всеми идеями, в различные эпохи руководившими человека, есть одна, которая не подлежит подобному выделению как по общности своей, так и по свободе ее выбора: мы разумеем идею, что человеческое существование не заключает в себе какого-либо иного смысла, кроме как устроение его собственных судеб на земле. Это не есть догма, наложенная на сознание извне; скорее это есть следствие свободного отвлечения, которое произвела мысль человека, наблюдала мириады единичных целей его и подмечая в них общее, ради чего все они избирались как цели: «Счастье деятельного существа как цель его деятельности» — это есть одновременно высшая абстракция практической жизни, и вместе — отделение этой жизни от каких-либо супранатуральных связей, какие ранее человек имел (или думал, что имел) с миром, в котором он жил.

IV. В идее этой есть характер как бы некоторой остаточности: она остается истинной одна, когда много других каких-то идей, прежде равных ей по значению, оказались ложными. Глубокое сомнение, закравшееся в жизнь человека, и также утомление его духовных сил, было исторической почвой, из которой выросла эта идея, всегда ранее слитая с разными другими идеями, никогда не господствовавшая в жизни. И едва ли мы грубо ошибемся, если скажем, что в том истощении всех сил, которое пережила Европа в реформационной эпохе, скрывается начало

могущественного роста этой идеи. По крайней мере, именно с этого времени в деятельности великих политиков Франции, которая ранее всех задушила в себе новое движение, начинается бессознательное осуществление ее в жизни народов. По-видимому, человек усомнился в существовании для него каких-либо высших целей, после того как он несколько раз неудачно пытался жить для этих других целей: теократия римской церкви, художественное наслаждение времен «возрождения», свобода личного общения с Божеством в протестантизме – все одинаково было и прошло, оставив человека наедине с его земными нуждами и страданиями. Они одни оставались вечно, когда все другое проходило; и им овладела естественная мысль, что именно они должны составлять предмет его вечного внимания и усилий.

В сфере права, нравственности, искусства и науки мы наблюдаем с этого времени ослабление их внутренних и самостоятельных идей¹, которыми они всегда жили ранее, силой которых развивались свободно. Как будто не иначе, как через отношение к человеку и его счастью все продолжало существовать и подвигаться вперед в истории. Справедливость, долг, красота истина, которые так долго и так преданно любил человек ради их самих, утратили притягательную силу для его сердца, и во всем этом он стал искать умом своим выгодной для себя стороны и, лишь находя ее, на ней пытался укрепить их существование. В этих усилиях удержать исчезающее сказалось несовершенное иссякновение в человеке прежних идей; но он уже так бессилен бороться с овладевающей им идеей своего счастья, что, даже продолжая любить безотчетно что-либо, хочет любить не вопреки ей. Он как бы боится ее, чувствует ничтожество своего сознания перед ней, – и под ее покров, в складки ее необозримой одежды пытается спрятать многое дорогое, чем он жил ранее и без чего, он чувствует, его жизнь будет так пуста со временем. Но из слабеющих рук его более и более вываливаются эти дорогие остатки прежней жизни, и чем далее идет время, тем яснее становится, что одна эта идея останется с ним в истории, и ей служить, ее осуществлять – это все, что ему предстоит в дали веков.

Одновременно с этим ослаблением особых и самостоятельных идей, которые руководили человеком в отдельных сферах его творчества, – мы наблюдаем в истории возрастание всего, непосредственно связанного с идеей его благоустройства на земле. Собственно, в безраздельности внимания, устремленного на это благоустройство, уже заключались скрыто все успехи механической и внешней деятельности человека: чудовищный рост всякого рода техники, всепроникающая зоркость администрации, связь всех людей путами взаимно переплетенных выгод. И таким образом во всем, что разрушила, и во всем, что создала новая история, она есть только развитие одного семени: идеи, что иных целей, кроме собственного устройства на земле, человек не имеет.

V. Эта идея одинаково выражается в обеих формах, которые мы ранее указали как возможные и различные ответы на один вопрос о цели человеческого существования: утверждается, что человек и психически не может иначе действовать, как повинуясь влечению к своему счастью; и требуется вместе, чтобы он следовал только ему одному, т. е. как бы молча признается, что он иногда борется с этим влечением или вообще следует чему-то другому. Как это ясно само собой, между этим утверждением и требованием есть противоречие: незачем требовать того, что есть; и если все-таки требуется, значит не всегда есть

требуемое.

Истинный смысл этого противоречия раскрывается лишь в историческом возникновении идеи счастья, о которой мы говорили: собственно, человек всегда следует влечению к своему счастью, но это остается незаметным для него, когда он руководится какой-либо иной идеей, закрывающей от него его субъективные ощущения, – религиозной, политической, правовой или какой другой. В требовании же, чтобы человек руководился только своим счастьем заключено именно отрицание постоянного и необходимого значения для него этих идей, которые лишь в меру своего соотношения с его счастьем должны быть предметом его стремлений или антиподий. Таким образом здесь, в этой незамечаемой двойственности утилитарной идеи, оказывается ее усилие выделиться из связи с прежними историческими идеями, которые все должны стать относительными и только она одна абсолютной. Ради истины или веры человек может и всегда идти на костер, – если к этой истине и вере он в самом деле так привязан, что для него легче не жить, нежели жить без них. Но чтобы он должен был идти за них на костер, потому что его отречение от веры оскорбило бы Бога или отречение от истины было бы ложью перед самим собой, – вот что нелепо, что есть фантом, которому нет места в действительности.

VI. Итак, в идеи счастья как верховного руководительного начала человеческой жизни содержится достаточно полный ответ на вопрос, разрешение которого необходимо для сознательности нашей деятельности; и по отношению к нему дальнейшее исследование может быть не испытанием его формальной удовлетворительности, но лишь внутренней истинности.

Исследовать какую-нибудь идею можно не иначе, как предварительно *раскрыв* ее внутреннее содержание. Только тогда, при вполне ясном ее составе, можно убедиться и в правильном расположении составляющих ее частей, и в отношении их всех как некоторой системы мысли к другим идеям и к фактам самой действительности.

Раскрыть же идею значит дать ряд *определений* входящим в нее *терминам* и соединить эти определения связью, в какой находятся самые термины. Потому что ясно, что кроме смысла этих терминов и смысла их взаимного соотношения в идеи нет никакого другого содержания; ничего в ней не утверждается, кроме того, что звучит в словах, которые мы произносим, когда ее высказываем.

Три термина входят в состав рассматриваемой идеи: 1) «жизнь» – как указывающий на объект, подлежащиймышлению; 2) «цель» – как термин, указывающий порядок, в каком нами мыслится этот объект; 3) «счастье» – как термин, указывающий высшее руководительное начало, или идеал, смотря на который мы прилагаем к данному объекту данный порядок мышления.

VII. Под «жизнью» здесь разумеется совокупность внешних и внутренних актов, совершаемых человеком или совершающихся в нем, на которые простирается или может простираться изменяющее действие его воли, т. е. как дел его, через которые он вступает в соотношение с подобными себе или с окружающей природой, так равно и мыслей его или скрытых чувств и желаний, которые могут быть никогда не узнаны и ни в чем не выражены, – с непременным условием только, чтобы они не были безусловно непроизвольны. Условие это необходимо потому, что в самой сущности вопроса и искомого на него ответа заключено предположение о возможности для человека сделать жизнь свою сознатель-

ной, т. е. целесообразной; иными словами, за предложенным вопросом лежит желание направить, т. е. некоторым образом изменить что-то, что в естественном порядке идет к худшему, нежели к чему могло бы идти при сознании лучшего. И так как это «направляемое» есть сама жизнь, то, конечно, не все, но лишь изменяя ее часть служит объектом мышления в рассматриваемой идеи.

Это по отношению к индивидууму и его воле; и так как из совокупности индивидуальных же усилий слагается жизнь человечества во времени и в пространстве, т. е. и история, и состояние общества в каждый момент ее, то ясно, что все это наравне с миром единичных дел подлежит созерцанию в данной идеи. Сюда относится: наука, искусство, литература в обширном смысле и также религиозный культ, насколько он зависит от человека, структура общества и ее важнейший вид — государство. Только такие абсолютно неизменяемые по произволу элементы цивилизации, как язык народа и его строй, лежат вне границ идеи счастья как верховного руководительного начала жизни.

VIII. Под целью разумеется всегда осуществляющее, т. е. то, что станет действительным через другое, которое действительно уже теперь, силой идеи цели, ему предшествующей и его согласующей.

Причем согласуемое есть то, что уже реально (средства); а с чем согласуется оно — лишь станет со временем (цель). Таким образом, в порядке всякой целесообразности, которая существует или какую мы можем представить себе, текущая действительность есть нечто, постоянно зыбающееся, и незыблемо лишь то, что ее движет и к чему она движется. Но при этой неподвижности начальной и конечной точек целесообразного процесса между ними есть та разница, что все качества второй вытекают из ее верности первой. Только идея цели существует силой своего внутреннего достоинства, все же прочее соотносится с ней и от этого соотношения становится тем или другим.

В рассматриваемой идеи согласуемое есть сама жизнь как совокупность возникших в истории фактов, за каждым из которых скрывается вызвавшая его причина, но не было для всех их какой-либо устраивающей цели. Замена этого хаоса взаимно перекрещивающихся причин одним руководительным началом и составляет сущность перехода исторической жизни от состояния бессознательного к сознательному. Собственно, причины и здесь сохраняют свою созидающую силу; как и всюду, им одним принадлежит способность вызывать к существованию предметы и явления, но к самому действию причин здесь примешивается избирающее их сознание, которое одним из них дает свободу проявляться, другие же ограничивает или подавляет через выбор им противодействия. И, таким образом, в каждой части своей оставаясь причинным, в целом длинный ряд явлений и предметов становится целесообразным.

Последнее, окончательное звено этого процесса и есть цель: она столь же реальна и осознательна, как и каждое промежуточное звено, но отличается от него полнотой и планомерностью своей. Эта планомерность (цели), выражается в явлениях и фактах, строго отвечает логической планомерности идеи цели.

Идея цели есть внутренний, субъективный акт, который через целесообразный процесс воплощается в действительности; последняя таким образом является по отношению к нему тем же, чем служит форма по отношению к содержанию или внешнее выражение к выражаемому смыслу. Заметим, что качество цели, т. е. чего-то окончательного, совершенного и неподлежащего изменениям,

является в какой-либо идее в силу ее внутреннего достоинства, которому ничего не недостает; потому что, раз в ней было бы это недостающее, с восполнением недостатка она стала бы лучшим и, следовательно, целью, по отношению к которой она же без сделанного восполнения была бы лишь средством, промежуточной ступенью. Таким образом некоторая идеальная полнота есть логическая необходимость для всякой идеи цели.

IX. Внутреннее, субъективное ощущение счастья как только желаемое, но еще не испытываемое, есть тот скрытый, духовный акт, для которого все остальное в рассматриваемой идее есть или выражение, или средство. Его понятие, его логическое определение и есть идея цели в процессе, материалом или сферой совершения которого (по указанию утилитарного руководительного начала) должна служить вся историческая жизнь человечества.

Под счастьем можно разуметь только удовлетворенность, т. е. такое состояние, при котором отсутствует дальнейшее движение в человеке желания, как чего-то ищущего, стремящегося возобладать.

Этот покой душевной жизни, это равновесие всех сил человека, вернувшихся после борьбы с внешними препятствиями и победы над ними внутри себя, вполне покрывает понятие счастья, тождественно с ощущением его полноты. Потому что ясно, что пока стремление не умерло в человеке, нет у него предмета стремления и нет удовлетворения им; т. е. есть неудовлетворенность от ощущения недостатка и, следовательно, страдание.

Х. Теперь, раскрыв смысл терминов, входящих в состав идеи счастья как верховного начала человеческой жизни, мы можем вывести положения, вытекающие из этой идеи:

1. *Хорошее и дурное не есть для человека что-либо отличное от желаемого им и нежелаемого*. Это следствие прямо вытекает из самого понятия о счастье как состоянии удовлетворенности, т. е. прекращении желаний, и из определения, что счастье есть высшая цель человеческой деятельности, т. е. наилучшее для него, в чем отсутствует какой-либо недостаток. Таким образом, с признанием рассматриваемой идеи исчезает что-либо, вне ее лежащее, что могло бы служить критерием желаемого, средством оценки для него.

2. *Ничто до момента, пока станет желаемым, или после того, как перестало желаться, не имеет какого-либо отношения к понятиям хорошего и дурного, не содержит в себе этих понятий как своего постоянного качества*. И в самом деле, идея счастья как верховного начала человеческой жизни есть только схема нашего ума, через которую проходят реальные предметы и явления. В миг, когда они проходят через нее, когда они желаемы и доставляют счастье, они приобретают в себе качественное различие от всего остального, становясь наилучшим для человека, ни через что не оцениваемым; и как только прошли, как только потеряли на себе тень желаемости, снова входят в сферу качественно-безразличного. Воля не видит их более, не ищет; и с нею не различает их ум и не оценивает совесть.

3. *В самих себе все вещи природы и она вся не суть добро или зло, но лишь могут становиться злом или добром*; причем под природой здесь разумеется и сам человек, и все в нем совершающиеся и им создаваемое. И в самом деле, можно представить себе какую-либо единичную вещь, вовсе никогда не проходящую через схему рассматриваемой идеи, т. е. что предметом человеческого

желания служит все, кроме данной вещи. Тогда она совершенно и никогда не может быть добром. И так как таковой попеременно можно представить себе каждую вещь порознь, то ясно, что и все они, т. е. целая природа, вовсе не суть добро или зло, но лишь нечто становящееся тем и другим в зависимости от положения своего (временного) относительно человека.

4. *Продолжительность и напряженность суть единственные различия, усматриваемые в ощущении счастья.* И в самом деле, в понятие удовлетворенности не входит никаких иных представлений, кроме как о продолжительности испытываемого удовлетворения и о полноте его; потому что сама удовлетворенность есть лишь ответ на желание, которое может быть успокоено или ненадолго, или отчасти и на короткое время. Таким образом единичность или множественность предметов, которые были целью стремления и стали предметом обладания, и долгота этого обладания составляют все, что по условиям рассматриваемой идеи необходимо для ее осуществления.

5. *Всякое счастье, имея лишь качественные измерения, не заключает в себе каких-либо качеств.* Вывод этот прямо следует из предыдущего рассуждения и выражает только другими словами то, что в нем сказано.

6. *По отсутствию качественных различий в желаемом не может быть преимущества в одном желании перед другим и предпочтения или выбора, с которым оно обращалось бы к чему-нибудь более, нежели к иному.* И в самом деле, всякое проявление выбора было бы обозначением, что в предметах, окружающих человека, есть что-то независимое от его воли, что преимущественно влечет его желание; есть качественность, не определяемая взглядом на них человека и притом родственная с его природой, в силу чего эта природа ищет их, избирает из среды всего другого и усвояет себе. Ряд подобных явлений вскрывал бы собою какие-то темные соотношения между человеком и миром, вовсе не вытекающие из его воли, но, напротив, определяющие эту волю, и в самом корне разрушил бы доктрину, по которой ощущение удовольствия есть средство оценки всего и природа есть лишь аrena, где ищутся эти удовольствия, а жизнь человека – самое их искание: это искание было бы secundum (вторичное, лат.), влекомое, но не primum (первичное, лат.), влекущее; нечто хорошо было бы не потому, что желается, но желается потому, что хорошо. В силу чего оно хорошо? Этот вопрос открывал бы мир изучения, совершенно выходящего из сферы идеи счастья как верховного начала человеческой деятельности.

7. *Роды и виды хорошего и дурного, сливаясь в его количестве исчезают.* И в самом деле, сферы нравственного, эстетического, религиозного и пр. все различались между собой по особой природе влечения, какое испытывал к ним человек; и так как сила влечения и его продолжительность суть единственное, что служит средством различать влекущее с точки зрения идеи счастья как верховного начала человеческой жизни, – то с этой точки зрения нет более основы для различия красоты от долга, их обоих от справедливости и пр. Они одинаково влекут, но не suo modo (каждое по своему, лат.) каждое, а pan modo (одинаково, лат.) все, и суть одно для воли, более не способной что-либо избрать из них. С исчезновением этой способности как разнородность жизни, так и разнородность, многоветвистость исторического созидания, где отдельные сферы возводились через усилия, к одному чему-нибудь направленные, одним определенным чувством движимые, в самом источнике своем разрушаются.

8. Счастье количественно большее избирается преимущественно перед количественно меньшим. Это прямо следует из отсутствия каких-либо различий в самом счастье иных, нежели количественных; и из отсутствия чего-либо, кроме счастья, что могло бы избираться человеком.

9. Страдание, будучи меньшим, нежели наслаждение, всегда может быть поставлено к нему в отношение причины к своему следствию. И в самом деле, при испытании их обоих всегда останется некоторый избыток наслаждения над страданием, который будет чистым счастьем. И так как влечение к нему по внутренней природе своей хорошо, то хорошо и страдание, перенесенное ради его получения.

10. Страдание, как и наслаждение, не заключая в себе родов и видов, поставляемые в отношение причины и следствия друг к другу, берутся одинаково из всех сфер хорошего и дурного, прежде различимого по родам и видам. И в самом деле, так как состояния удовлетворенности все слиты между собой и отличаются одно от другого лишь продолжительностью и напряженностью, то ясно, что одна эта продолжительность и напряженность может служить руководящим началом при избрании чего-либо как цели и при употреблении другого как средства. И так как эти количественные измерения применимы ко всем сферам прежде расчлененного добра, то безразлично из всякой сферы может быть избрано страдание как средство достигнуть большего наслаждения другой сферы.

Два последних положения и составляют доктрину, известную под формулой «цель оправдывает средства», с тем различием, однако, что в этой старой формуле подразумевается некоторый вечный и высший достижимый идеал, которому приносится в жертву нечто временное и случайное, хотя бы и связанное побочко с вечным, – тогда как в двух только что выраженных следствиях из утилитарной доктрины не подразумевается никакого постоянства во влекущем идеале, но лишь постоянство в удовлетворенности человека: какими идеалами – безразлично. Таким образом там, в формуле «средства оправдываются целью», есть настойчивая, ни перед чем не останавливающаяся деятельность, как закрывающая глаза на текущую и временную действительность, не столько мириящаяся с существующим злом, сколько не чувствующая его, слепая к нему; напротив, в утилитарной доктрине все внимание сосредоточено на настоящем, и это настоящее делается предметом почти механической игры в ощущения, с вечным взвешиванием их силы, с вечной изменчивостью в решениях, постоянно следующих за тем, куда склоняются весы, на одной чаше которых лежит наслаждение, а на другой страдание.

11. Наслаждение многих, если оно тождественно с наслаждением одного (по предмету и содержанию), должно быть избрано предпочтительно перед ним как большее в своей сумме. Это – то положение утилитарной доктрины, по которому не общее и несколько неопределенное влечение к счастью должно руководить человеческой деятельностью, но именно твердое сознание «счастья наибольшего количества людей». Эта точность выражения, строго необходимая, придает всему учению отчетливый вид и делает его всеобъемлющей формулой: и в самом деле, жизнь общества, жизнь историческая во всем ее объеме, тотчас входит вовнутрь этой доктрины, как только мы переводим ее через указанный вывод из тесных границ личного существования на широкую арену междучеловеческих отношений.